

Л. А. Мясникова

Человек в условиях кризиса постмодерна

Автор констатирует ситуацию кризиса общества постмодерна, для которого характерны множественность мультикультуральность, различие, текучесть, изменчивость, неустойчивость, мобильность. Индивидуализированное общество понимается как проявление общества постмодерна. Анализируется понятие индивидуализированного общества и индивида в нем. Выявляются изменения индивидуалиста (от индивида-вне-мира до индивида-в-мир). Автор соглашается с утверждением о «конце социальности», когда прочные социальные институты замещаются временными союзами и тусовками. Исчезает публика и публичная сфера. Индивид в индивидуализированном обществе – массовый человек-потребитель. Кратко прослеживается трансформация массового человека, его превращение в «человека повседневности». Констатируется двойственность повседневности (типизация и общение лицом к лицу). Подчеркивается, что специфика повседневности позволяет индивиду ускользать от манипулятивного воздействия.

Особым типом человека повседневности является маргинал, еще более разрушающий и нарушающий границы социальных групп. До определенного времени децентризм маргинала (его готовность переходить из одной группы в другую, нарушая границы нормального-ненормального в условиях текучей современности) приемлемы и даже продуктивны. Но сочетание качеств маргинальности с психологией потребителя приводит к исчезновению фундаментальных основ и ценностей морали, труда, профессионализма, знаний, культуры, и в конце концов – к кризису общества симулякров. Нужны новые основания и опоры для жизни в обществе, должен появиться новый социальный тип человека, новые жизненные ориентиры.

Ключевые слова: текучая современность, индивидуализированное общество, индивидуалист, индивидуальность, кризис общества и человека, публичность, конец социальности, конец публичности, массовый человек, потребитель, человек повседневности, маргинал.

L. A. Myasnikova

A Man under the Postmodern Crisis

The article covers the crisis situation of the postmodern society marked by multiplicity of multicultural values, distinctions, fluidity, volatility, instability and mobility. Individualized society is conceptualized as a manifestation of the postmodern society. The concept of the individualized society and the individual in it is analyzed. The changes of the individual (from the individual-outside-the world into the individual-in-the world) are revealed. The author accepts the allegation of «the end of sociality» meaning that steady social institutions are replaced by temporary alliances and «get-togethers». The audience and the public sphere disappear. The individual turns into a mass-consumer man in the individualized society. The article gives a short overview of mass man transformations converting him into «an everyday man». The dual character of everyday life is highlighted, namely, the typification and the face to face interaction. The specificity of everyday life is stressed to allow the individual to elude the impact of manipulations.

The specific type of «the everyday man» is represented by the marginalized man, who further violates and even destroys the boundaries of social groups. In «liquid modernity» the decentrism of the marginalized man and his readiness to change groups crossing the boundaries between normal and abnormal are acceptable and even productive to a certain extent. But combining the marginal features and consumer psychology leads to extinction of fundamentals of moral and labour values, proficiency, knowledge, culture and, after all, to the crisis of the simulacrum society. New foundations and grounds for social life are required; a new social type of a man should appear as well as new reference points.

Keywords: liquid modernity; individualized society; individualist; individuality; the crisis of the man and society; publicity; the end of sociality; the end of publicity; a mass man; a consumer; an everyday man; a marginalized man.

Еще совсем недавно российские специалисты в области социальной философии и философии культуры пытались выявить особенности нового для России образа жизни и нового типа человека, порожденного обществом постмодерна. Гетерология констатировала различия как норму жизни и норму человека. Действительно, мультикультуральность, мобильность, инновативность, утрата укорененности и самоидентичности, неустой-

чивость, текучесть жизни привели к распаду («концу») прочных социальных структур и институтов, к «индивидуализированному обществу» (З. Бауман).

Индивидуализация понималась в данном случае как отрицание прежних жестких форм социальности, социальных институтов, с их надиндивидуальным, принудительным характером, и как отказ от групповой солидарности. Л. Дюмон про-

тивопоставлял индивидуализм идеологии социального холизма. Индивидуализм – это идеология, «которая придает значение индивиду и пренебрегает социальной тотальностью, целостностью или же подчиняет ее» [5, с. 295]. Кроме того, индивидуализм предполагает приоритет прав человека, ценность личной свободы и ряд других либеральных ценностей.

Л. Дюмон справедливо считает, что длительное время индивид как индивидуальность находился «вне мира» – только так можно было выйти за рамки отношений, стесняющих свободу индивида. Индийский аскет-отшельник, древнегреческий киник, христианский монах воспринимают мирскую жизнь как нечто «лишенное реальности», освобождение от пут мирской жизни предстает для них как обретение себя. Подобный индивидуализм не разрушает социальности, точнее, тотальности социума, но обнаруживает ее ограниченность: есть царство земное, кесарево, а есть Универсум, царство Божие. Индивидуальность начинает осмысляться как особая характеристика индивида. Индивидуальность – не выражение социального-типического, не порождение общества, а конкретно-всеобщее. Индивид в его неповторимости и уникальности является голографией универсума. Особенно четко эта модель представлена в христианстве, где впервые появляются «Боже мой», «Бог во мне» и «Я в Боге». Все люди – дети Божьи, и каждый по-своему несет в себе и являет Его уникальным способом.

Начиная с эпохи Возрождения, еще более – в Новое время, индивидуализм меняется, из индивида-вне-мира индивид перемещается в мир. «В мирскую жизнь будет постепенно проникать внемирской элемент до тех пор, пока, наконец, неоднородность мира полностью не исчезнет» [5, с. 45], пока холизм не исчезнет под влиянием индивидуализма.

Индивидуализм-в-миру может представлять разному. Как это ни парадоксально, но индивидуалист, противопоставляя себя обществу, типическому, представляет собой особый тип индивидуалиста: романтика, денди, бунтаря... Эти типы ломают жесткость социально-групповых границ, но не уничтожают социальности. Ярким примером может служить дендизм, который проявляется «преимущественно в переходные эпохи, когда демократия еще не достигла подлинного могущества, а аристократия лишь отчасти утратила достоинство и почву под ногами», – полагает Ж. Бодлер [2, с. 305].

Именно в таких условиях одаренные, полные презрения ко всему, часто циничные одиночки, не будучи аристократами по рождению, благодаря особым манерам поведения, общения, одежды, особым свойствам характера, души, особой харизме вторгаются в среду аристократов, становятся «виртуальными аристократами». О. Вайнштейн подчеркивает: «Денди – маргинал, который может занять позицию в центре, но никогда не будет смешиваться с массами» [4, с. 600]. Он, входя в среду аристократов, «держит дистанцию», подчеркивает свою особость, свою элитарность с помощью элегантности, знаковой детали в одежде, холодной вежливости, снобизма, сарказма, саморекламы («заметная незаметность»), особый дендистский взгляд и умение представлять себя взгляду другого, умение удивлять, производить впечатление); продуманной небрежности. Денди никому не подражает, он самобытен, подражают ему. Денди – всегда эстет, хранитель, носитель вкуса.

Денди – ярко выраженный индивидуалист-в-миру, эгоцентрист. Он хоть и вторгается в среду аристократов извне, но не разрушает социальности. Он существует в социуме как эталон вкуса, элегантности, стиля, внутригрупповой критик вульгарности, пошлости (то есть того, чего должен избегать аристократ). Как внутренний критик он делает сословную социальную группу еще более прочной, устойчивой.

Завоеванию все более прочного положения индивидуалиста-в-миру способствовали идеи либерализма, демократии. Индивидуализм накрепко обручился со свободой, точнее, с жадной индивидуальной свободой. Живя в обществе, индивидуалист хочет быть свободным, независимым.

Представители гуманизма самого разного толка: индивидуально-либерального, демократического, коммунистического, соборного, – верили, что «благо каждого» может сочетаться или стать основой «блага всех». Сладкое слово «свобода» было идеалом, мечтой, целью, путь к которой устилался многими жизнями, судьбами. Люди были готовы к жертвам ради свободы и индивидуальности. Пожалуй, лишь во второй половине XX в. эйфория от сладкого слова «свобода» сменяется тревогой и сомнениями. Экзистенциалисты, неофрейдисты, да и философские антропологи задумываются: не является ли свобода бременем, грузом? Почему люди бегут от свободы? И хотя социальная критика (Г. Маркузе) и поздний психоанализ (Э. Фромм, А. Адлер и др.) все

еще ратуют за свободу, но проблемность индивидуализированного общества уже дает о себе знать. Индивидуализированная свобода сопровождается не только снижением социального надзора, зависимости, но и уменьшением социальных гарантий и льгот. «Порядок может унижать, но также может и защищать», – повторяет слова Р. Сеннетта З. Бауман [1, с. 28]. Отказ от контроля со стороны общества, от системы, где индивиду дают или не дают права, обнаруживает, что «в слове «дают» / какой-то страшный уют» (Д. Андреев). Тем не менее, идеал общества свободных индивидуальностей не исчез.

В 80-х гг. XX в., анализируя массового человека в своей знаменитой работе «В тени молчаливого большинства», Ж. Бодрийяр предрекает конец социальности; А. Турен констатирует конец человека «как социального существа, укрывшегося в берлоге своего места в обществе, которая определяет его поведение и действия» [1, с. 29]. В 90-х гг. Ф. Фукуяма отваживается на провозглашение «конца истории», ибо гегелевская формула «история есть прогресс познания свободы» стала реалией жизни. «Беспрецедентная свобода, которую общество предлагает своим членам, пришла, как давным-давно предупреждал Леви-Стросс, вместе с беспрецедентным бессилием» [1, с. 30].

В «индивидуализированном обществе» на место прочных социальных институтов пришли временные сообщества, подобные «клубам по интересам» (такowymi становятся семья, политические партии, профессиональные объединения и «тусовки»). Общество симулякров, множество знаковых реальностей действительно поглотили индивидуальность, но оставили индивида, вынужденного решать в одиночку свои проблемы. Современный кризис – не только и не столько кризис экономический. Это кризис общества симулякров, общества постмодерна.

Потребление – ярчайшая черта постиндустриального общества, связанная с потребительством массового человека. «Масса перевела потребление в плоскость, где его уровень оказывается показателем статуса и престижа, где оно выходит за всякие разумные пределы или симулируется, где царствует потлач, который отменяет какую бы то ни было потребительскую стоимость» [3, с. 53]. Потребляя все больше и больше, масса разрушала экономику, а вместе с ней и социальность.

Следует помнить, что «тусовка» – не то же самое, что публика. В конце XX – начале XXI в. разрушаются не только социальные структуры, но и

публичная сфера. «Публика», «публичная сфера» – понятия, выражающие общность людей, сходным образом реагирующих на события общественной жизни, ощущающих свое ментальное и человеческое единство. Ю. Хабермас выделял необходимые признаки публичной сферы: социальную и общественную значимость обсуждаемых проблем, открытость высказываемых мнений, свободу слова, равноправие дискутирующих, их осведомленность в сути обсуждаемых вопросов, рациональность, аргументированность, гражданскую активность участников, заинтересованность в результатах публичных обсуждений. Целью публичных выступлений и обсуждений являлось достижение консенсуса в пределах значимого смыслового горизонта, воплощающего единство социальной системы. Публика – порождение городской цивилизации, публика – представители преимущественно среднего класса, стремящиеся к разрушению сословных границ. Она ориентирована на усредненные образцы мышления и поведения, подвержена влиянию значимых событий, персон, идей, авторитетных мнений, порой импульсивна и эмоциональна, но, как уже отмечено, публика верит в силу рациональных аргументов. Публичная сфера серьезное значение придавала средствам массовой информации, журналам, газетам. Вокруг них образовывались своеобразные партии, в спорах отстаивающие позиции по социально значимым проблемам. Публика выступала связующим звеном, началом, соединяющим социальную и культурно-ментальную сферы. В XXI в. наступает конец публичности как особого социального института, публики как сословия, публичной сферы как единого общего пространства обмена смыслами для решения гражданственно, социально значимых вопросов.

Казалось бы, современные медийные форматы дают прекрасную возможность объединения людей [7, с. 230–233]. Шанс высказать свое мнение или поспорить с ним при той открытости и свободе слова, которые дают медийные интернет-форматы, есть практически у каждого. Но именно интернет-форматы, прежде всего обсуждения в социальных сетях, явно обнаруживают «фантомность» публичности. Налицо следующие признаки дискуссий в социальных сетях: неразличимость социально значимых и частных, порой интимных, вопросов (то есть обсуждается как общезначимое, так и абсолютно незначимое для общества); присоединение к обсуждению не претендует на компетентность, на какую-либо

рационально-аргументированную позицию, это «говорение» (то есть его цель – вставить свое слово без всякой цели); гражданская активность сменяется «слактивизмом» (от англ. «sluck» – ‘лентяй’ и «activism»), формой участия в сетевых обсуждениях, позволяющей ощутить собственную причастность к общественным решениям без поведенческих или интеллектуальных усилий (одним «лайком»). «В России даже возник специфический словарь слактивиста, который шаблонно возмущается политическим режимом, картинно поражается его трусостью и требует от соратников максимального репоста» [8, с. 24], но кроме этого, слактивист ничего не предпринимает и вскоре забывает о своих призывах, переключаясь на иные темы (хотя бы выскочивший на лице прыщ). Единство замещается множественностью. «Одни называют себя либералами, другие социалистами, третьи патриотами. Общение идет в замкнутом кругу единомышленников. Ниши уподобляются лейбницевым монадам, наглухо изолированным от внешнего мира». Это, кстати, явная дань постмодернизму. Вспомним утверждение Ж.-Ф. Лиотара о том, что «в современном мире разные группы людей ведут разные игры на разных языках» [6, с. 109].

Единый социум, единая культура распалась на множество временных объединений и субкультур, где общение не делает из индивидов общество.

Еще совсем недавно Р. Сеннет говорил о новом типе человека, ожидающего от мира сердечности, комфорта, удовлетворения желаний и потребностей, не готового к сложностям социальной жизни, жестким несправедливым отношениям, подверженного страхам отчужденности. Не этот ли тип человека сегодня массово исходит из своих стран и территорий в Европу – землю обетованную, где автоматически решаются все его проблемы? Зачем решать проблемы в своей стране? Ведь другие их уже решили – надо всем вместе (и каждому в отдельности) сменить родину! Правда, с культурой, законами, требованиями, запросами к индивиду в иной стране далеко не все готовы согласиться, и если гражданские права переселенца не удовлетворяют в той форме и тем образом, о котором мечтали мигранты, то нарастает волна массовых протестов и выступлений (как то имеет место во Франции и других странах Европы).

Упразднение коллективной идентичности приводит и к упразднению социальных ролей и масок для жизни на публике. Гетерогенность,

размытая идентичность, культурная и ролевая симуляция и имитация приводят к размыванию границ добра и зла, морали и аморальности. Эрозия социальности и универсальных (как для человечества, так и для этноса, страны, класса и др. общностей) ценностей порождает множество проблем, приводит к общественному кризису.

При наличии жестких социальных структур и фиксированных общественных культурных ценностей индивиды в своей повседневной жизни руководствовались общественными социально-культурными ценностями.

Не так обстоит дело в период распада социальности в постиндустриальном обществе. Формальные структуры либо распадаются, либо «не работают», поскольку индивиды становятся аполитичными, асоциальными, играют не одну, а много социальных ролей, размывая их границы и стандарты, перечеркивают своим поведением предписанные стандарты. Они уходят в сферу частной жизни, приватности, неотделимой от «тусовки».

Культурные ментальные ценности и смыслы тоже исчерпываются, происходит их эрозия. Толерантность, этническая, религиозная, художественная поливариантность, гетерогенность жизненного пространства размывают устойчивые, инвариантно-ценностные основы, «коллективную личность». Основным типом становится «человек повседневности», а основным типом «человека повседневности» – маргинал.

В 30-е гг. XX в. Х. Ортега-и Гассет дал описание массовому человеку как основному социальному типу: «такой же, как все», знающий о своей тривиальности и утверждающий свое право быть тривиальным, живущий по принципу: «Дайте, мне положено по праву рождения», не нуждающийся в свободе, поскольку не желает брать на себя ответственность, агрессивный по отношению к элите. В 60-е гг. XX в. Э. Фромм и другие тоже обращались к анализу массового человека, живущего по принципу «иметь», а не «быть», бегущему от свободы конформисту-потребителю. В конце XX в. Ж. Бодрийяр в своей знаменитой работе «В тени молчаливого большинства» уточняет понятие массы и массового человека. Импульсивность, власть нейтрального – главные характеристики массы и массового человека конца XX в. Масса – «рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление» [3, с. 9]. Массовый человек грани XX–XXI вв. «не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией» [3, с. 10]. Массовым человеком уже нельзя

управлять, его нельзя направлять. Термин «человек повседневности» уже – не «гражданин» и не «публика». Все более тонкие, дорогостоящие, изоцированные формы воздействия на потребителя (СМИ, реклама, новые маркетинговые технологии) часто не достигают желаемой цели. Масса все поглощает, принимает в себя и не дает запланированного результата. Это ли не уход из-под властного воздействия? Массовый человек – человек повседневности стал неуправляемым, но не в форме активного нигилизма, а в форме ускользания.

Повседневность в условиях «текущей современности» осталась более-менее прочной основой бытия человека, это та реальность, в которой нельзя усомниться, она самоочевидна и неустраима. Именно самоочевидность повседневности порождает ненужность, избыточность рефлексивности для человека повседневности. Человек живет в повседневности как цельное, нефрагментированное, нерасколотое существо. Повседневность двойственна. С одной стороны, как справедливо считал А. Шюц, она типизирована. Типизация вырастает из повторения, из обыденности каждодневных действий и взаимодействий. Во «вчера», «сегодня», «завтра» присутствует «то же самое», что и порождает перспективу-проекцию – «и так дальше», так было и будет. С другой стороны, повседневность всегда не анонима, это взаимодействие «лицом к лицу», то есть, например, тип «слесарь», но вместе с тем – еще и дядя Вася или дядя Петя; а «сосед» тоже всегда конкретен и часто лично знаком. Именно двойственность повседневности позволяет ускользать из под манипулятивного воздействия.

Повседневность имеет свои ценности: здоровье, успех, положительное мнение, карьера, семья, уют. Истина повседневности – житейская мудрость, умение жить в гармонии с людьми и с собой (Кола Брюньен у Р. Роллана).

На излете первого десятилетия XXI в. появляется тип человека повседневности – маргинал. Понятие маргинальности долгое время служило для оправдания репрессии специфической части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям. Маргинал периферичен, децентрирован. Его существование лишь подтверждало наличие структур и границ. Маргинал долгое время был явным (активным) или неявным (пассивным) оппозиционером, человеком «подполья». Не таков современный маргинал. Поскольку произошло исчезновение социальных структур с четкими границами, исчезла оппозиция центра –

периферии, своего-иного, нормального-ненормального, истины-лжи, публично-приватного, исчез прежний смысл маргинальности. Гетерология утверждает инаковость как суть человека. Повседневность же парадоксальным образом соединяет «других» в единую реальность. Каждый из нас в повседневности и «другой» и «такой же». Эта констатация не только теоретическая. На практике мы наблюдаем стирание границ (этнических, государственных, смысловых, культурных, социальных, профессиональных, моральных). Как уже отмечено, мигранты становятся гражданами, их слой внутри коренного населения возрастает и меняет гражданственность, социальные и культурные ценности. Появляются новые виды профессиональной деятельности, в которые приходят «люди со стороны» и становятся профессионалами-маргиналами. В массовой культуре наблюдается смешение жанров, стилей, видов искусства.

Вместе с тем маргинал – тоже потребитель. Девальвация ценности труда и профессионализма, вызванная ненадежностью, непредсказуемостью, тщетностью попыток с помощью трудовых навыков, заработанных средств подстраховать свое будущее, привела к погоне за мигмом, за сиюминутным: не упустить шанс, момент, пользуйся им, успех – от слова «успеть».

Потребительство – не только и не столько погоня за новыми или престижными вещами, это психология сиюминутного успеха и желания не упустить своего. Потребитель и маргинал вовсе не противостоят друг другу. Лишаясь рабочего места и достойного вознаграждения, стремясь найти более перспективную работу, люди становятся профессиональными маргиналами. Они часто шли в иные сферы деятельности, существенно отличающиеся от прежней. В этих новых сферах их знания и навыки могли раскрыться с новой стороны, что позволяло быстро адаптироваться и выполнять профессиональные функции в новой области. Этому поспособствовало возникновение профессий по созданию симулякров: рекламисты, PR-специалисты, работники СМИ, имиджмейкеры, стилисты, шоумены и т. п. Труд приобрел характер сиюминутности: зачем что-то оттачивать и совершенствовать, если завтра это может не пригодиться? Сегодня же – «и так сойдет». «Любая возможность, не использованная здесь и сейчас, – это упущенная возможность; поэтому не использовать ее непростительно» [1, с. 175]. Другой, оборотной стороной явилась утрата профессиональных навыков.

Тех, для кого «и так сойдет», становится все больше и больше. Слой профессионалов катастрофически быстро истончается.

Маргинализация до-поры-времени продуктивна и приемлема. Но если исчезают фундаментальные основы и ценности морали, труда и профессионализма, знаний, идентичностей, культур, основных феноменов человеческого бытия, то и потреблять нечего. Кризис банковских, экономических, политических, социальных, личностных симулякров явно обнаружился к настоящему времени. Индивидуализированное общество – еще не общество индивидуальностей и личностей. Оно пришло к своему пределу, к кризису.

Возможно, постмодернистское общество – это еще один этап, который человечество прошло, прожило, отыграло.

Ясно, что для выхода из кризиса нужны новые «точки сборки» человека, человек не может жить, лишившись опор и целостности. Другое дело, приведут ли нынешние попытки реновации традиционных ценностей (патриотизма, гуманизма, стойкости, мирового признания и т. п.) в условиях господства психологии потребления и маргинала к выходу из кризиса постмодерна. Этим вопросом я хочу закончить свои размышления.

Библиографический список

1. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008.
2. Бодлер, Ж. Об искусстве [Текст] / Ж. Бодлер. – М. : Искусство, 1986.
3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

4. Вайнштейн, О. Денди [Текст] / О. Вайнштейн. – М. : НЛО, 2005.

5. Дюмон, Л. Эссе об индивидуализме [Текст] / Л. Дюмон. – Дубна : Изд. центр «Феникс», 1997.

6. Красин, Ю. А. Главное – сохранять, расширять публичную сферу [Текст] / Ю. А. Красин // Публичная политика : сб. статей. – СПб. : Норма, 2004.

7. Маленина, Е. А., Злотникова, Т. С. Взаимодействие современных СМИ с социумом в контексте деятельности журналистов [Текст] / Е. А. Маленина, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 230–233.

8. Мартынов, К. От слактивизма к республике [Текст] / К. Мартынов // Логос. – 2012. – № 2 – С. 24.

Bibliograficheskij spisok

1. Bauman, Z. Tekuchaja sovremennost' [Tekst] / Z. Bauman ; per. s angl. pod red. Ju. V. Asochakova. – SPb. : Piter, 2008.

2. Bodler, Zh. Ob iskusstve [Tekst] / Zh. Bodler. – M. : Iskusstvo, 1986.

3. Bodrijjar, Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo [Tekst] / Zh. Bodrijjar. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000.

4. Vajnshtejn, O. Dendi [Tekst] / O. Vajnshtejn. – M. : NLO, 2005.

5. Djumon, L. Jesse ob individualizme [Tekst] / L. Djumon. – Dubna : Izd. centr «Feniks», 1997.

6. Krasin, Ju. A. Glavnoe – sohranjat', rasshirjat' publicnuju sferu [Tekst] / Ju. A. Krasin // Publichnaja politika : sb. statej. – SPb. : Norma, 2004.

7. Malenina, E. A., Zlotnikova, T. S. Vzaimodejstvie sovremennyh SMI s sociumom v kontekste dejatel'nosti zhurnalistov [Tekst] / E. A. Malenina, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 2. – S. 230–233.

8. Martynov, K. Ot slaktivizma k respublikе [Tekst] / K. Martynov // Logos. – 2012. – № 2. – S. 24.